

Валерий Сойфер

ЛЕНИН И ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

С отеческой заботой

В те годы, когда Ленин вступил на путь революционной борьбы, в его окружении было немало людей вполне интеллигентных, окончивших университеты, достаточно хорошо осведомленных в вопросах культуры. Однако будучи человеком цельным и волевым, он настроил себя на одну волну - борьбы за власть, и эта односторонность оставалась для него главенствующей на всех этапах до Октября 1917 г., после чего она уступила место борьбе за удержание власти.

Постоянные разговоры большевиков о роли пролетариата в удержании власти, о значении беднейшего крестьянства на деле оказались камуфляжем, имеющим целью прикрыть истинные задачи партийной верхушки. Но, что показательно, интеллигенции в этих разговорах даже минимального значения практически не уделялось. Можно отметить лишь, что цельное в своей основе его отношение к интеллигенции несколько раз менялось в зависимости от этапов развития революции в России, хотя, повторяю, оно всегда оставалось отрицательным.

Трудно судить о том, откуда у Ленина появилось такое пренебрежительное отношение к интеллигенции вообще. Он был выходцем из достаточно образованной семьи, его отец, Илья Николаевич Ульянов, сын мещанина, с 7 лет оставшийся сиротой, сумел получить высшее образование, окончил физико-математический факультет Казанского университета, работал учителем, затем директором народных училищ Симбирской губернии и дослужился до звания "штатского" генерала. В 1882 г. он был награжден царем орденом святого

Владимира третьей степени, что давало право на потомственное дворянство.

Мать В.И. Ленина также была достаточно образованной для своего времени женщиной. Хотя ее происхождение туманно и всячески скрывается в СССР, известно, что она родилась в семье врача А.Д.Бланка, знала с детства немецкий, французский и английский языки, получила право на звание домашней учительницы, сдав в 1863 г. экстерном полагавшиеся экзамены в Самарской гимназии, и всю свою жизнь посвятила воспитанию детей.

Владимир Ульянов закончил Симбирскую гимназию с золотой медалью, поступил в том же 1887 г. в Казанский университет, но проучился в нем только три месяца, после чего был, как утверждают советские источники, выгнан за политическую деятельность¹. Хотя он не получил систематического образования, но сдал в 1891 г. экстерном экзамены за юридический факультет при Петербургском университете, получив соответствующий диплом. Таким образом, априори у него не должно было бы быть негативного отношения к интеллигенции из-за человеческого понятия "комплекса неполноценности" недоучки.

Возможно, эта неприязнь появилась позже, во время фракционной борьбы в партии с более образованными и рафинированными соперниками, такими как Плеханов или Мартов. Во всяком случае нетрудно заметить, что именно после разрыва с Плехановым у Ленина стало чаще прорываться презрительное отношение к тем людям, у которых проявлялись такие свойства как склонность к раздумью и самоанализу, отсутствие прямолинейности и твердолобости, которую Ленин так ценил в самом себе и в своих ближайших соратниках. Именно после разрыва с плехановской редакцией "Искры" из уст Ленина посыпались эти презрительные "интеллигентщина", "интеллигентский".

Долгое время Ленину казалось, что интеллигенция как социальная группа вообще неважна. Она не относилась к классу

эксплуататоров, с которым должен был вести борьбу большевистский клан. Она не владела средствами производства, и потому у нее нечего было экспроприровать. В то же время ее идеалы и чаяния были далеки от интересов большевиков и, следовательно, отнести ее к разряду союзников будущей большевистской партии также было нельзя.

Осенью 1895 г. Ленин создает в Петербурге кружок, помпозно названный "Союз борьбы за освобождение рабочего класса", просуществовавший недолго. В ночь с 8 на 9 декабря (по старому стилю) Ленина и его соратников по этой организации арестовали, и более года он находился в тюрьме, откуда 29 января 1897 г. был выслан в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на три года.

И в тюрьме, и в ссылке Ленин с присущей ему энергией работает над становлением своих экономических и политических взглядов, пишет толстую книгу "Развитие капитализма в России", несколько брошюр и статей. Здесь у него выкристаллизовываются политические взгляды на роль группы единомышленников (или партии) как главной движущей силы революции.

Уже в это время он все более и более укрепляется в мысли, что революционно настроенная интеллигенция - это лишь полутчик тех, кто будет реально бороться за власть. Уже в это время из-под его пера начинают высказываться одна за другой сердитые фразы в адрес "нашей просвещенной народнической интеллигенции, ... которая, к счастью, думает за этих недогадливых мужиков (т.2, стр. 295)", хотя он еще не прочь иногда признать, что если "в борьбе экономической пролетариат стоит совершенно одиноко", то "между тем в демократической, политической борьбе русский рабочий класс стоит не одиноко: наряду с ним становятся все политически оппозиционные элементы, слои населения и классы", в числе которых он называет "оппозиционно настроенные элементы буржуазии или образованных классов" (т.2, стр. 309).

На этом этапе Ленин еще не порвал со старым термином

"образованные классы". Позже таких "ошибок" он уже не делал, интеллигенция больше не будет считаться классом, а лишь прослойкой, исчезнет и лояльное к ней отношение как к реальной политической силе, стоящей "по одну сторону баррикад" с пролетариатом.

Но и здесь он четко говорит о непоследовательности интеллигенции, шаткости ее революционных позиций:

"Указывая на солидарность с рабочими тех или других оппозиционных групп, - пишет он в 1897 г. в программной брошюре "Задачи русских социал-демократов", - социал-демократы всегда будут выделять рабочих, всегда будут разъяснять временный и условный характер этой солидарности, всегда будут подчеркивать классовую обособленность пролетариата, который завтра может оказаться против своих сегодняшних союзников (курсив мой. - В.С.)... ибо только он является до конца последовательным и безусловным врагом абсолютизма, только между ними абсолютизмом невозможны компромиссы, только в рабочем классе демократизм может найти сторонника без оговорок, без нерешительности, без оглядки назад. Во всех других классах, группах, слоях населения вражда к абсолютизму безусловна, демократизм их всегда оглядывается назад" (т.2, стр. 310-311).

Здесь же Ленин особо останавливается на роли интеллигенции, заявляя, что

"образованные люди, вообще интеллигенция" не может не восставать против дикого полицейского гнета абсолютизма, травящего мысль и знание, но материальные интересы этой интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой оппозиционный и революционный пыл за казенное жалование или за участие в прибылях или дивидендах" (там же).

В своем отношении к интеллигенции Ленин базируется на том, что, по его словам, интеллигенция - "родня русскому чиновничеству", и впадает в риторический тон:

"Кто не знает, как легко совершается на святой Руси превращение интеллигента-радикала, интеллигента-социалиста в чиновника императорского правительства, - чиновника, утешающегося тем, что он приносит "пользу" в пределах канцелярской рутины, - чиновника, оправдывающего этой "пользой" свой политический индифферентизм, свое лакейство перед правительством кнута и нагайки?" (т.2, стр. 313).

Разлад Ленина с интеллигенцией усугубляется после того как в начале августа 1900 г. в Женеве у него возникают разногласия с вождем русских социал-демократов и революционеров Г.В.Плехановым и другими членами группы "Освобождение труда" - П.Б.Аксельродом и В.И.Засулич.

Конечно, в угоду временным целям политической борьбы Ленин иногда проявляет терпимость к этой общественной группе, вуалирует свои взгляды. Временами, особенно до начала первой русской революции 1905 г., он, хоть и крайне редко и лишь в период неудач в борьбе за власть, пишет о полезности союзов с интеллигенцией. Так, в проекте "Резолюций III съезда РСДРП", написанном в феврале 1905 г., он предлагает съезду такую фразу:

"Съезд решительно осуждает...политику сеяния недоверия и вражды между рабочими и интеллигентами в социал-демократических организациях" (т.8, стр. 170).

В другой статье он призывает:

"Надо требовать доступа рабочих во все серьезные партийные учреждения, надо добиваться равных прав с интеллигентами", (т.8, стр. 41).

Но все это говорится вскользь, мимоходом, и только как временная мера, нужная до тех пор, пока его приверженцы не окрепли в групповой борьбе в достаточной мере. А в целом его отношение к интеллигенции уже и на этом этапе вполне отрицательное. Слово "интеллигент" и производные от этого слова имеют в его речах и статьях только негативный смысл. Например, в статье "О хороших демонстрациях пролетариев и плохих рассуждениях некоторых интеллигентов" 4 января 1905 г. он писал:

"По поводу хороших пролетарских демонстраций мы не должны говорить интеллигентских глупостей"

и обвинял своих политических оппонентов в том, что они

"Грешат одним и тем же интеллигентским неверием в силы пролетариата, в его способность к организации вообще, к созданию партийной организации в частности, в его способность к политической борьбе" (т.8 стр. 17).

В это время, в пору надежд на победу грядущей революции, Ленин еще не решается публично заявить о полном разрыве с интеллигенцией, о развязывании против нее "красного террора". Он говорит об интеллигенции без уважения, но и от угрозы в ее адрес воздерживается. По его словам, интеллигенция, участвующая в революционной борьбе, иногда полезна. На первых порах можно использовать публицистический дар многих интеллигентов для написания хороших, зажигательных статей, неплохо привлечь интеллигентов к пересказу идей Маркса и Энгельса в удобочитаемой форме, совсем неплохо воспользоваться их материальным воздействием для нужд партии. Последнее особенно отчетливо выражено в письме Ленина к А.А.Богданову от 10 января 1905 г., когда, затеяв издание газеты "Вперед" и не имея на то денег, Ленин был вынужден писать ему:

"Необходимо 400 frs. (150 руб.) на номер, а у нас всего 1200 frs. Помощь в первые месяцы нужна дьявольски..."

не забывайте этого и тащите (особенно с Горького) хоть понемногу (т.8, стр. 27).

Резко отрицательное мнение об этой социальной группе Ленин выскажет позже. Однако уже в эту пору он без колебаний выражает свои взгляды по поводу будущих политических свобод, которые он установит в стране, если захватит власть. Так, в ноябре 1905 г., незадолго до разгрома первой русской революции, когда еще казалось, что вот-вот революция победит и царизм будет свергнут, Ленин публикует статью "Партийная организация и партийная литература", в которой говорит ясно и смело о своих планах, без недомолвок и умолчаний:

Мы хотим создать и мы создадим свободную печать не в полицейском только смысле, но также и в смысле свободы от... буржуазно-анархического индивидуализма.

Эти последние слова покажутся парадоксом или насмешкой над читателем. Как! закричит, пожалуй, какой-нибудь интеллигент, пылкий сторонник свободы. Как! Вы хотите подчинения коллективности такого тонкого индивидуального дела как литературное творчество! Вы хотите, чтобы рабочие по большинству голосов решали вопросы науки, философии, эстетики!" (т.10, стр. 29).

Ответ Ленина вполне ясен и категоричен:

"Теперь партия у нас ... становится массовой, теперь мы переживаем крутой переход к открытой организации, теперь к нам войдут неминуемо многие непоследовательные (с марксистской точки зрения) люди, может быть, даже некоторые христиане, может быть, даже некоторые мистики. У нас крепкие желудки, мы твердокаменные марксисты. Мы переварим этих непоследовательных людей" (там же, стр. 30).

После провала первой революции, Ленин долгие годы хра-

нил молчание на этот счет. Ни о каком "переваривании" интеллигенции, ее подавлении или приручении и речи не было. Понадобится более 10 лет, чтобы оправиться от поражения 1905 г., создать фактически новую партию, вести ее к захвату власти.

До февральской революции 1917 г. и до переворота 25 октября 1917 г. Ленин почти не касался вопроса о роли интеллигенции, хотя слова "интеллигентный", "интеллигентский", "интеллигентщина" встречались в его лексиконе довольно часто и постоянно носили пренебрежительно-уничижительный смысл как обозначение чего-то бесхребетного, аморфного, непоследовательного или даже приспособительно-приниженного.

От полного игнорирования интеллигенции к уверенности в том, что некоторую ее часть будет уместно использовать в таких учреждениях как телеграф, телефон, почта, банки, в управленческом и военном аппарате (конечно, при непрерывном и неусыпном контроле со стороны вооруженных рабочих), Ленин пришел позже в 1917 г.

В августе и сентябре 1917 г., опасаясь физической расправы, Ленин скрывался в шалаше на станции Разлив и затем в Финляндии. Здесь он и пишет свою знаменитую работу "Государство и революция", в которой пытается объяснить взгляды Маркса и Энгельса на государство после победы коммунистической революции¹, а заодно и свое понимание этих взглядов.

Через пару месяцев в Петрограде произойдет переворот, временное правительство будет арестовано, большевики возьмут государственную власть в свои руки, а пока есть время подумать над тем, что должна делать государственная власть и какое государство будет создавать новая власть.

Именно здесь, в разливском шалаше и в гельсингфорских болотах, Ленин скрупулезно обдумывает будущую политику государственной власти, здесь он рисует картину будущей ди-

ктатуры большевиков.

"Учение о классовой борьбе, примененное Марксом к вопросу о государстве и о социалистической революции, ведет необходимо к признанию политического господства пролетариата, ...т.е. власти, не разделяемой ни с кем и опирающейся непосредственно на вооруженную силу масс" (т.25, стр. 376).

В отношении класса эксплуататоров все должно быть просто. Этот класс должен быть уничтожен. Нет сомнений и в отношении крестьянства. Оно должно стать союзником пролетариата. А вот как быть с интеллигенцией? С той интеллигенцией, к которой принадлежит и сам Ульянов-Ленин?

Он начинает издали, с объяснения того, что за демократию хочет организовать руководимая им большевистская фракция, что за свободу он готовит интеллигенции.

Итак, в отношении эксплуататоров все просто:

"Вместе с громадным расширением демократизма, впервые становящегося демократизмом для бедных, демократизмом для народа, а не демократизмом для богатеньких, диктатура пролетариата дает ряд изъятий из свободы по отношению к угнетателям, эксплуататорам, капиталистам. Их мы должны подавить, чтобы освободить человечество от наемного рабства, их сопротивление надо сломить силой, - ясно, что там, где есть подавление, есть насилие, нет свободы, нет демократии" (там же, стр. 433).

А что ждет тех, кто не владеет средствами производства, кто не эксплуатирует никого, кроме себя, своих мозгов, кто творит в сферах духовных? И кто, по правде говоря, как это хорошо понимает и сам Ленин, постоянно подчеркивающий служительную функцию интеллигенции, находится в эксплуатации? Читаем у Ленина:

"Но демократия означает только формальное равенство. И тотчас вслед за осуществлением равенства всех членов общества по отношению к владению средствами производства, т.е. равенства труда, равенства заработной платы, перед человечеством неминуемо встанет вопрос о том, чтобы идти дальше, от формального равенства к фактическому, т.е. к осуществлению правила: «каждый по способностям, каждому по потребностям». Какими этапами, путем каких практических мероприятий пойдет человечество к этой высшей цели, мы не знаем и знать не можем..." (там же, стр. 443).

"Но вполне возможно немедленно, с сегодня на завтра, перейти к тому, чтобы, свергнув капиталистов и чиновников, заменить их в деле контроля за производством и распределением, в деле учета труда и продуктов - вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом" (там же, стр. 444).

И вот здесь-то Ленин переходит к объяснению, как же будет обстоять дело с интеллигенцией:

"Не надо смешивать вопрос о контроле и учете с вопросом о научно образованном персонале инженеров, агрономов и пр.: эти господа работают сегодня, подчиняясь капиталистам, будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим".

Конечно, Ленину должно было быть хорошо понятно, что свобода работы в условиях подчинения вооруженным рабочим - это не та степень свободы, которая может способствовать активному, поистине творческому труду мыслящих интеллигентов, вопреки ходячему афоризму: "Собака любит палку хозяина". Возможно, ему было ясно, как может упасть производительность интеллигентного труда в условиях палочного братства, и поэтому рецепт готов и на завтра:

"Когда большинство народа начнет самостоятельно"

и повсеместно такой учет, такой контроль за капиталистами (превращенными теперь в служащих) и за господами интеллигентами, сохранившими капиталистические замашки, тогда этот контроль станет действительно универсальным, все-общим, всенародным, тогда от него нельзя будет никак уклониться, "некуда будет деться".

Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы.

Но эта "фабричная" дисциплина, которую победивший капиталистов, свергнувший эксплуататоров пролетариат распространит на все общество, никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью, а только ступенькой, необходимой для радикальной чистки общества от гнусности и мерзостей капиталистической эксплуатации и для дальнейшего движения вперед" (там же, стр. 445).

Итак, вначале временный союз под контролем вооруженных надзирателей, подобранных из среды людей необразованных, а вслед за тем, вскоре, изживание, чистка и замена новой, пролетарской интеллигенцией.

Повторяю, эта программа была провозглашена за два месяца до Октябрьского переворота. После захвата большевиками власти в России 25 октября 1917 г. Ленину будет казаться, что интеллигенция в целом была против этого переворота. Многих лучших представителей интеллигенции подвергнут арестам, наказаниям, даже расстрелам. Ленин будет писать об интеллигентах, что они якобы пытались превратить свои знания

"в орудие своего господства над так называемыми низами. Они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступили против трудящихся масс" (т.28, стр. 69).

Отсюда вытекал и лозунг Ленина:

"Опирайтесь на интеллигенцию мы не будем никогда" (т.28, стр. 193).

Таким образом, шансы интеллигенции хотя бы на выживание в условиях "свободы, равенства и братства", написанных на знамени революции, были нулевыми. После октября 1917 г. Ленин не раз об этом открыто писал, но в зависимости от обстановки, аудитории, взлетов или падений в управлении страной он продолжал лавировать, иногда даже заигрывал с некоторыми из интеллигентов, всегда следуя политике кнута и пряника. Так, он станет переписываться и вести переговоры с Максимом Горьким, зазывая в свой лагерь простаков. А между тем именно Ленин всего через год после октябрьского переворота, 20 ноября 1918 г., писал:

"У нас еще очень немало осталось "примазавшихся" к Советской власти худших представителей буржуазной интеллигенции; выкинуть их вон, заменить их интеллигенцией, которая вчера еще была сознательно враждебна нам и которая сегодня только нейтральная, такова одна из важнейших задач теперешнего момента" (т.28, стр. 172).

Красные спецы - предначертания Ленина

Вслед за первыми восторгами революции, расправой с контрреволюцией и победой в гражданской войне, пришло время восстановления хозяйства и строительства социализма. И здесь стало очевидным, что "ненужные" спецы являют собой силу, без которой не обойтись, а наука - это сфера человеческой деятельности, имеющая не одно лишь обслуживающее значение. Ленину пришлось убедиться в том, что без спецов и науки социализм не построить. Но, во-первых, в его сознании наука так и не стала первостепенной силой в "переустройстве мира", несмотря на ряд его широковещательных заявлений, так часто цитировавшихся в СССР, о том, что "коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество" (т. 31, стр. 262), а, во-вторых, он всю жизнь отрицал роль науки как

производительной силы общества, подчеркивая всегда и везде, что наука была и есть прислужницей господствующей власти, а истинным ученым можно стать, только усвоив марксистскую философию. В своей знаменитой речи "Задачи союзов молодежи", произнесенной 2 октября 1920 г., где он призывал молодежь "учиться коммунизму", Ленин простодушно заявил:

"коммунистического общества нельзя построить, если не возродить промышленности и земледелия...на современной, по последнему слову науки построенной основе. Вы знаете, что этой основой является электричество, что только, когда произойдет электрификация всей страны, всех отраслей промышленности и земледелия, когда вы эту задачу освоите, только тогда вы для себя сможете построить то коммунистическое общество, которого не сможет построить старое поколение... Без привлечения всей массы рабочей и крестьянской молодежи к этому строительству коммунизма вы коммунистического общества не постройте" (т.31, стр. 264-265).

Хотя Ленин убеждал своих слушателей, что до коммунизма рукой подать, каких-нибудь 10-20 лет⁴, хотя он и утверждал, что полпути до коммунизма уже пройдено, он отчетливо понимал, что одной "критикой буржуазии", одним "развитием в массах ненависти к ней" эти полпути не одолеть.

"Перед новым поколением стоит задача более сложная. Мало того, что вы должны объединить все свои силы, чтобы поддержать рабоче-крестьянскую власть против нашествия капиталистов. Это вы должны сделать. Это вы прекрасно поняли, это отчетливо представляет себе коммунист. Но этого недостаточно. Вы должны построить коммунистическое общество. Первая половина работы во многих отношениях сделана. Старое разрушено, как его и следовало разрушить, оно представляет из себя груды развалин, как и следовало его превратить в груды развалин. Расчищена почва, и на этой почве молодое ком-

мунистическое поколение должно строить коммунистическое общество" (там же).

Но хотя этими призывами "кремлевский мечтатель", как его метко назвал Герберт Уэллс, вызывал энтузиазм среди плохо образованной рабоче-крестьянской молодежи, он все же мало преуспел. Однако симптоматичным был призыв к молодежи овладевать знаниями. Но опять-таки корни установленного в стране правопорядка не могли позволить Ленину пойти на единственно правильный шаг, освященный, кстати, в популярном лозунге: "каждый - по способностям". Было бы целесообразным призвать учиться всех, проявивших наибольшие к этому способности. Но на деле все произошло иначе. Важнейшим критерием отбора учащейся молодежи стало не стремление овладевать знаниями и способность к их овладению, а социальное происхождение и партийная принадлежность.

2 августа 1918 г. Ленин пишет проект "О приеме в высшие учебные заведения РСФСР" и в тот же день Совет народных комиссаров принимает его как постановление, обязательное к выполнению в стране. Через четыре дня его публикуют "Известия ВЦИК" (№ 166).

В постановлении сначала заявляется, что должны быть приняты "самые экстренные меры, обеспечивающие возможность учиться для всех желающих", но дальше этот флер свободы учебы для всех откидывается. Оказывается, что

"на первое место безусловно должны быть приняты лица из среды пролетариата и беднейшего крестьянства, которым будут предоставлены в широком размере стипендии" (т.28, стр. 31),

но при этом не должно быть никаких привилегий "не только юридических, но и фактических" для детей имущих и представителей интеллигенции. То, что среди них могут оказаться юные платоны и быстрые разумом ньютоны, способные принести пользу и прославить свое отечество, благо это и их

отечество, а не только рабочих и крестьян, новую власть не волнуется.

Пока же новые спецы не выучены, не образованы, возникает масса проблем. Есть задачи безотлагательные. Нужно налаживать работу органов, в которых кроме "знания момента", умения "дать лозунг" или пригрозить расстрелом именем революции, а то и расстрелять "за саботаж", необходимо профессиональное умение. На почте, телеграфе, телефонных станциях и других технически оснащенных учреждениях нужны грамотные люди, инженеры и техники. Электростанции и банки также не могут работать без знающих людей, в школах требуется учителя, в армии - стратеги и командиры. Да и красных спецов в ВУЗах должен кто-то учить!

Как быть? Как ни относиться отрицательно к интеллигенции, воспитанной до революции, как ни мечтать о том времени, когда удастся ее "выкинуть вон", надо строить обещанный народу социализм, поднимать разрушенное революцией хозяйство.

И когда наивные идеи, навеянные абстрактно-туманными рассуждениями Маркса о захвате пролетариатом власти и быстром отмирании государства и классов по мере перехода к социализму, стали оборачиваться голодом и разрухой, пришлось все чаще и чаще задумываться над тем, можно ли жить, отринув интеллигенцию и заменив ее еще не выпестованными красными специалистами?

27 ноября 1918 г. Ленин выступает с большой речью на собрании партийных работников Москвы, созванном ЦК РКП(б). Доклад озаглавлен интригующе: "Об отношении пролетариата к мелкобуржуазной демократии". Значение таких собраний трудно переоценить. Столичная партийная организация, наряду с петроградской, составляла главную часть руководящего ядра большевиков в стране. А если учесть, что в Москве в это время сосредоточилось и правительство, переехавшее из Петрограда, и все центральные органы, то понятно, насколько важными были такие партийные форумы.

Вход на них был строго закрытым: разговоры, которые велись здесь, были, во-первых, откровенными и острыми, а, во-вторых, всегда носили характер директив. Выступлению вождя на таких встречах придавалось особенное значение, и Ленин, конечно, хорошо это знал.

Как всегда, Ленин подошел к изложению основной темы издалека, от "революции в Германии, краха германского империализма и разложения англо-американского империализма". Но, наконец, он доходит и до основного, в том числе до проблем интеллигенцией. В духе всех своих длинных речей, многократно повторяясь и возвращаясь к одной и той же мысли, положению, он говорит:

"Нам предстоит целый ряд задач, целый ряд соглашений, технических заданий, которые мы, господствующая пролетарская власть, должны суметь дать. Мы должны суметь дать среднему крестьянину одно задание, помочь в товарообмене, в разоблачении кулака. Кооператорам другое: они обладают аппаратом для распределения продуктов в массовом размере; этот аппарат мы должны взять себе. Интеллигенции мы должны дать совсем другое задание; она не в силах продолжать саботаж и настроена так, что теперь она занимает позицию по отношению к нам самую добрососедскую, и мы должны брать эту интеллигенцию, ставить ей определенные задачи, следить и проверять их выполнение, относиться к ним, как Маркс говорил по отношению к служащим Парижской Коммуны: «каждый отдельный наниматель умеет выбирать себе подходящих помощников, бухгалтеров, и когда они ошибаются, - умеет исправлять их ошибки, а если они не годятся, заменять их новыми, хорошими». Мы строим власть из элементов, оставленных нам капитализмом. Мы не можем строить власть, если такое наследие капиталистической культуры, как интеллигенция, не будет использовано" (т.28, стр. 194-195).

За пару минут до этого он уже говорил о том же и примерно

теми же словами, когда, обсуждая роль мелкобуржуазной интеллигенции в будущем строительстве социализма, заявлял, меняя, правда, акцент в отношении безусловно "самой добрососедской позиции" интеллигенции к новой власти:

"она колеблется, но она нам для нашего социалистического переворота так же нужна. Мы знаем, что строить социализм можно только из элементов крупнокапиталистической культуры, и интеллигенция есть такой элемент" (там же, стр. 193).

Попутно он делает попытку оправдать и подправить историю, представить красный террор, проводившийся после захвата власти, как меру ответную и неохотно принимавшуюся.

"Если нам приходилось с ней [интеллигенцией] беспощадно бороться, то к этому нас не коммунизм обязывал, а тот ход событий, который всех "демократов" и всех влюбленных в буржуазную демократию от нас оттолкнул. Теперь явилась возможность использовать эту интеллигенцию для социализма, ту интеллигенцию, которая не социалистична, которая никогда не будет коммунистичной" (там же).

Здесь снова, возможно, невольно, у Ленина прорывается мотив, который всегда звучал раньше: неприятие интеллигенции в свой "пролетарский" лагерь, строгое осознание того, что интеллигенты в ответ на это могут не воспринять, не одобрить и не простить тот порядок, который им навязали новые лидеры. А потому дается жесткий совет относительно поведения при новой власти:

"Если вы действительно согласны жить в добрососедских отношениях с нами, то потрудитесь исполнить те или другие задания, господа кооператоры и интеллигенты. А если не исполните, - вы будете нарушителями закона, нашими врагами, и мы будем с вами бороться. А если вы стоите на почве добрососедских отношений и исполните эти задания, - этого нам с

избытком достаточно. Опора у нас прочная. В вашей дряблости мы никогда не сомневались. Но что вы нам нужны - этого мы не отрицаем, потому что вы являетесь единственным культурным элементом" (там же, стр. 193-194).

Подобная угроза, высказанная не на собрании интеллигентов, а на собрании партийных руководителей столицы, конечно, имела целью дать директиву, обозначить четко и недвусмысленно направление и стиль работы с интеллигенцией. Подобные угрозы, неприкрытая политика нажима, которую даже политикой кнута и пряника не назовешь, стала главной и осуществлялась методично и неуклонно. Нужно было выиграть время, вырастить свою красную профессуру, своих, красных, специалистов на смену буржуазным спецам.

И, как мы уже знаем, партия приступила к созданию новой интеллигенции, когда за неделю до этого выступления Ленина она, по его же предложению, приняла специальное постановление об ограничении приема непролетарских элементов в высшие учебные заведения РСФСР и в то же время дала директиву резко увеличить прием в ВУЗы.

"Интеллигентный Ильич" и политика лавирования

Но почему же так широко разошлось представление о добром, отеческом отношении Ленина к интеллигенции, о его мягком и заботливом к ней расположении? Почему позже все беды свалили только на другого вождя - Сталина?

Причин много. Во-первых, работы и доклады Ленина знали и знают немногие. При всей распространенности ленинских трудов и в СССР, и за рубежом, как правило, детально изучаются лишь несколько его наиболее известных работ, а все остальное пропускается и опускается. К тому же при жизни Ленина (да и долгое время после его смерти) многие его статьи и выступления, причем наиболее острые и резкие, обращенные к партийной элите, не публиковались вовсе, как сейчас остаются неизвестными многие речи советских руководителей на за-

крытых заседаниях пленумов, конференций и съездов. К примеру, цитировавшееся выше выступление Ленина на собрании партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г., созданном ЦК РКП(б), так рельефно рисующее отношение "интеллигентного Ильича" к интеллигенции в его стране, долгие годы хранилось под спудом и впервые увидело свет (и то отнюдь не в массовом издании) лишь в 1929 г. То же произошло и со многими другими его речами, проектами, докладными записками и письмами, которые частично были опубликованы при Сталине (возможно, с целью дать понять, где истоки сталинского подхода и террора, корнями уходящего в террор Ленина), а частично - после смерти Сталина, чтобы внести дополнительные коррективы в облик вождя.

Во-вторых, на многих благоприятное впечатление производила внешняя демократичность Ленина, которую особенно усердно подчеркивали его биографы и авторы многочисленных воспоминаний о нем.

В-третьих, было широко распространено мнение, что Ленин, много лет проживавший в западных странах, якобы сносно знавший языки, сам выходец из достаточно культурной семьи, был знаком с рядом ученых, писателей и музыкантов. Хорошо известно, что Ленин поддерживал отношения с Горьким, контактировал с Вавиловым. Это импонировало многим интеллигентам, особенно в сталинское время, когда было известно о замкнутости Сталина и его отчужденности от культурных слоев общества.

В-четвертых, распространению легенды о мягкости, учтивости и культурности Ленина помогали его многочисленные речи, доклады и книги, в которых он чаще всего прибегал к тактике лавирования. Выступая под лозунгом о необходимости обучения и познания основ наук, Ленин формировал представления о его якобы глубочайшей заботе относительно будущего страны, хотя он никогда не забывал исключить "старых спецов" из числа тех, кому можно доверять.

В конце 1918 г. Ленин начал новую кампанию: за привлечение

старой интеллигенции в ряды строителей коммунизма, который должен был наступить, по его раскладкам, через 10-20 лет. Поворот в отношении к интеллигенции был встречен в ее рядах со сдержанным оптимизмом. Горький писал:

"Факт, что русская революция погибает именно от недостатка интеллектуальных сил... Теперь большевики опомнились и зовут представителей интеллектуальной силы к совместной работе с ними. Это поздно, но все-таки не плохо."

Но, наверное, начнется некий ростовщический торг, в котором одни будут много запрашивать, другие - понемножку уступать, а страна будет разрушаться все дальше, а народ станет развращаться все больше".⁸

Разумеется, призыв к сотрудничеству не означал, что сотрудничающие стороны (интеллигенция и представители новой власти) будут равноправны. Ленин никогда не забывал предупреждать своих товарищей по руководству партии, что, во-первых, это сотрудничество временное, а, во-вторых, возможно только при непрерывном и жестком контроле за каждым шагом привлеченных к работе интеллигентов, за их мыслями, намерениями, контактами. Говоря об использовании специалистов, Ленин следующим образом характеризовал свою позицию на заседании Петроградского совета 12 марта 1919 г.:

"Мы ими должны пользоваться во всех областях строительства, где, естественно, не имея за собой опыта и научной подготовки старых буржуазных специалистов, сами своими силами не справимся. Мы... пользуемся тем материалом, который нам оставил старый капиталистический мир. Старых людей мы ставим в новые условия, окружаем их соответствующим контролем, подвергая их бдительному надзору пролетариата и заставляем выполнить необходимую нам работу. Только так и можно строить... Тут необходимо... насильно прежде всего... Совершенно незачем выкидывать полезных нам специалистов. Но их надо

поставить в определенные рамки, предоставляющие пролетариату возможности контролировать их. Им надо поручать работу, но вместе с тем бдительно следить за ними, ставя над ними комиссаров и пресекая их контрреволюционные замыслы. Одновременно необходимо учиться у них. При всем этом - ни малейшей политической уступки этим господам, пользуясь их трудом всюду, где только возможно" (т.29, стр.5-6).

О том, как мыслился и организовывался этот неусыпный контроль, дает некоторое представление инструкция, составленная для осведомителей ЧК:

«Задания секретным уполномоченным на январь 1922 г.

1. Следить за администрацией фабрик и интеллигентными рабочими, точно определять их политические взгляды и обо всех Антисоветских Агитациях и пропаганде доносить.

2. Следить за всеми сборищами под видом картежной игры, пьянства (но фактически преследующих другие цели), по возможности проникать на них и доносить о целях и задачах их и имена и фамилии собравшихся и точный адрес.

3. Следить за интеллигенцией, работающей в советских учреждениях, за их разговорами, улавливать их политическое настроение, узнавать о их месте пребывания в свободное от занятий время и о всем подозрительном немедленно доносить.

4. Проникать во все интимные кружки и семейные вечеринки господинтеллигентов, узнавать их настроение, знакомиться с организаторами их и целью вечеринок.

5. Следить, нет ли какой-либо связи местной интеллигенции, уездной, центральной и за границей и о всем замеченном точно и подробно доносить».⁷

"Задания" подобного рода воплощали в жизнь те наметки, которые содержались в некоторых выступлениях Ленина, не переставшего вплоть до конца 1919 г. твердить о необходимости привлечения спеццов на работу при неусыпном контроле за их деятельностью.

"Организационная творческая дружная работа должна сжать буржуазных специалистов так, чтобы они шли в шеренгах пролетариата, как бы они ни сопротивлялись и ни боролись на каждом шагу" (т.29, стр. 136).

В то время Ленин еще верил, что ему удастся сделать все нужное для привлечения буржуазных специалистов на свою сторону и этим добиться решения важнейшей (если не самой важной на этом этапе) задачи в развитии культурной революции - задачи кадров.

"Весь опыт, - говорит Ленин все в том же марте 1919 г., - неминуемо приведет интеллигенцию окончательно в наши ряды, и мы получим тот материал, посредством которого мы можем управлять" (т. 29, стр. 211).

Чтобы скрасить террор и насилие, чтобы переманить на свою сторону максимальное число специалистов, оказавшихся к тому же в тяжелейшем материальном положении в тогдашних условиях разрухи и голода, Ленин совместно с народным комиссаром труда В.В.Шмидтом разрабатывает план увеличения заработной платы работникам интеллигентного труда. Правда, эта мера вызвала взрыв негодования среди партийцев, так как противоречила всем прежним заверениям выкладкам Маркса и самого Ленина (вспомним его слова о "конторе с равенством труда и заработной платы"). Однако при сложившихся обстоятельствах Ленин не видел другого выхода как платить специалистам больше, чем своим же сторонникам. На протяжении 1919-1920 гг. Ленин терпеливо и настойчиво разъясняет, что

"иного средства поставить дело мы не видим для того, чтобы они (специалисты - В.С.) работали не из-под палки, и пока специалистов мало, мы принуждены не отказываться от высоких ставок" (т. 29, стр.17).

При этом он объяснял свою политику предельно откровенно: *"Заставить работать из-под палки целый слой нельзя, - это мы прекрасно испытали. Можно заставить их не*

участвовать активно в контрреволюции, можно утратить их, чтобы они боялись руку протянуть к белогвардейскому воззванию. На этот счет у большевиков действуют энергично. Это сделать можно, и этому делаем достаточно. Этому мы научились все. Но заставить работать целый слой таким способом невозможно" (т. 29, стр. 158).

Выступая на II Всероссийском съезде Советов народного хозяйства 29 декабря 1918 г., Ленин даже страшил работников совнархозов карами за плохое использование специалистов:

"Мы будем спрашивать с каждого товарища, работающего в совнархозе: что вы, господа, сделали для того, чтобы привлечь к работе... специалистов, которые должны работать у вас несколько не хуже, чем они работали у каких-нибудь Колупаевых и Разуваевых? Пора нам отказаться от прежнего предрассудка и призвать всех нужных нам специалистов к нашей работе" (т. 28, стр. 357).

Такая философия примата материального над духовным вряд ли могла всерьез и, главное, надолго повлиять на умонастроения интеллигенции и в особенности той ее части, которая была наиболее нужна советской власти в стратегическом плане, т.е. интеллигенции творческой. Можно даже допустить, что подавляющая часть специалистов, оставшихся в живых к этому времени и способных еще работать, будучи поставлена в условия красного террора и не имея ни сил, ни желания сопротивляться комиссарам голоду, пошла бы навстречу категорическому приглашению вождя мировой революции. Однако среди этой части интеллигенции, пусть даже и подавляющей в количественном отношении, могло не оказаться того небольшого числа специалистов, которые творили истинно новое. А без их помощи все радужные надежды были обречены на провал.

Заставить же ученого, конструктора, писателя, композитора, педагога работать творчески, трудиться с полной от-

дачей в условиях стоюкого надзора комиссаров в бушлатах и с револьвером за поясом, пусть даже за приличное вознаграждение, оказалось невозможным.

Смело выразил эти мысли в письме Ленину профессор Воронежского сельскохозяйственного института М. Дукельский. На его письмо - страстное и убедительное - Ленину пришлось давать ответ. Дукельский писал:

"Прочитал в «Известиях» ваш доклад о специалистах и не могу подавить в себе крика возмущения. Неужели вы не понимаете, что ни один честный специалист не может, если в нем сохранилась хоть капля уважения к самому себе, пойти работать ради того животного благополучия, которое вы собираетесь ему обеспечить? Неужели вы так замкнулись в своем кремлевском одиночестве, что не видите окружающей вас жизни, не заметили, сколько среди русских специалистов имеется, правда, не правительственных коммунистов, но настоящих тружеников, добывших свои специальные познания ценой крайнего напряжения сил, не из рук капиталистов и не для целей капитала, а путем упорной борьбы с убийственными условиями студенческой и академической жизни прежнего строя. Эти условия не улучшились для них при коммунистической власти... На них, самых настоящих пролетариев, хотя и вышедших из разнообразных классов, служивших трудящемуся брату с первых шагов сознательной жизнью и мыслью, и словом, и делом, - на них, сваленных вами в одну зачумленную кучу "интеллигенции", были натравлены бессознательные новоявленные коммунисты из бывших городских, урядников, мелких чиновников, лавочников, составляющих в провинции нередко значительную долю «местных властей», и трудно описать весь ужас пережитых ими унижений и страданий. Постоянные вздорные доносы и обвинения, безрезультатные, но в высшей степени унижительные обыски, угрозы расстрела, реквизиции и конфискации,

вторжения в самые интимные стороны личной жизни (требовал же от меня начальник отряда, расквартированного в учебном заведении, где я преподаю, чтобы я обязательно спал с женой в одной кровати). Вот та обстановка, в которой пришлось работать до самого последнего времени многим специалистам высшей школы. И все эти «мелкие буржуи» не оставили своих постов и свято исполняли взятое на себя моральное обязательство сохранить, ценою каких угодно жертв, культуру и знания для тех, кто их унижал и оскорблял по наущению руководителей. Они понимали, что нельзя смешивать свое личное несчастье и горе с вопросом о строительстве новой лучшей жизни, и это помогло и помогает им терпеть и работать.

Но верьте, из среды этих людей, которых вы огульно окрестили буржуями, контрреволюционерами, саботажниками и т.п., только потому, что они подход к будущему социалистическому и коммунистическому строю мыслят себе иначе, чем вы и ваши ученики, вы не купите ни одного человека той ценой, о которой вы мечтаете. Все же «специалисты», которые ради сохранения шкуры пойдут к вам, они пользы стране не принесут. Специалист не машина, его нельзя просто завести и пустить в ход. Без вдохновения, без внутреннего огня, без потребности творчества, ни один специалист не даст ничего, как бы дорого его ни оплачивали. Все даст доброволец, работающий и творящий среди окружающих его товарищей-сотрудников в качестве знающего руководителя, а не поднадзорного, охраняемого комиссаром из коммунистов урожая 1919 г.

...Если вы хотите «использовать» специалистов, то не покупайте их, а научитесь уважать их, как людей, а не как нужный вам до поры до времени живой и мертвый инвентарь»⁸

В своем ответе Ленин по сути дела даже не коснулся ос-

новных вопросов, поднятых Дукельским. Он свел все к старому обвинению интеллигенции в том, что она повинна в саботаже предписаний советской власти. Ошибка интеллигенции, по его словам, происходила из-за того, что она не сооблаговолила понять природу октябрьского переворота и была склонна рассматривать его как «авантюру и сумасбродство большевиков», вместо того, чтобы расценить его «как начало всемирной смены двух всемирно-исторических эпох: эпохи буржуазии и эпохи социализма, эпохи парламентаризма капиталистов и эпохи советских государственных учреждений» (там же, стр. 206). А это, по мнению Ленина, привело интеллигенцию к саботажу этих учреждений.

«Саботаж был начат интеллигенцией и чиновничеством, которые в массе буржуазны и мелкобуржуазны», заявил Ленин, забывая упомянуть, что новая власть ввела красный террор до того как саботаж мог начаться. Чтобы окончательно снять с себя обвинения, предъявленные М. Дукельским, Ленин заканчивал:

«Если бы мы «натравливали» на «интеллигенцию», нас следовало бы за это повесить» (там же).

Можно ли доверять буржуазным специалистам?

На I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г. Ленин признал, что новой власти не удалось найти общий язык даже с той прослойкой интеллигенции, которая всегда была сильна демократическими и революционными традициями, — с учителями. Сам выходец из семьи крупного деятеля просвещения, все дети которого пошли в революцию, В.И. Ленин признал, что учительство с самого начала представляло из себя организацию, в громадном большинстве, если не целиком, стоящую на платформе, враждебной Советской власти (т.29, стр. 493).

Позже то же самое было сказано о медиках:

"...представители медицинской профессии были также пропитаны недоверием к рабочему классу, когда-то и они мечтали о возврате буржуазного строя" (т.30, стр. 375).

Однако Ленин уверял соратников по партии, что теперь, привлекая интеллигенцию в свои ряды, "мы встретим гораздо больше сочувствия" (там же). В марте 1919 г. он, как мы помним, был уверен, что "весь опыт неминуемо приведет интеллигенцию окончательно в наши ряды, и мы получим тот материал, посредством которого мы можем управлять" (там же). Тем не менее сохранялось недоверие к кадрам интеллигенции, следовали наказания контролировать поступки и даже мысли специалистов. И ей же, интеллигенции, Ленин вменял в вину трудности на хозяйственном фронте. В известной статье "Великий почин", посвященной возвеличиванию бесплатной работы всех советских трудящихся во внеурочное время на так называемых субботниках, Ленин пишет:

"Господа буржуа и их прихвостни, включая меньшевиков и эсеров, которые привыкли считать себя представителями «общественного мнения», разумеется, издеваются над надеждами коммунистов, называют эти надежды «баобабом в горшке от резеды», смеются над ничтожным числом субботников по сравнению с массовыми случаями хищения, безделья, упадка производительности, порчи сырых материалов, порчи продуктов и т.п. Мы ответим этим господам, если бы буржуазная интеллигенция принесла свои знания на помощь трудящимся, а не русским и иностранным капиталистам ради восстановления их власти, то переворот шел бы быстрее и более мирно. Но это утопия, ибо вопрос решается борьбой классов, а большинство интеллигенции тянет к буржуазии. Не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию (по крайней мере, в большинстве случаев) пролетариат победит, устраняя неисправимо буржуазных интеллигентов, переделывая, переводя спитывая, подчиняя себе колеблющихся, постепенно

завоеывая все большую часть их на свою сторону. Зло-радство по поводу трудностей и неудач переворота, сеяние паники, пропаганда поворота вспять - все это орудия и приемы классовой борьбы буржуазной интеллигенции" (т. 29, стр.391- 392).

Он прямо обвиняет интеллигентов, что "они воспользовались своим образованием для того, чтобы сорвать дело социалистического строительства, открыто выступая против трудящихся масс" (т.28, стр. 69).

Отсюда вытекала тактика советской власти по отношению к специалистам: подчинять их, привлекать для работы в новых учреждениях, но не доверять им ни в коей мере.

"Лозунг момента, - говорит Ленин, - уметь использовать поворот среди них в нашу сторону,...худших представителей буржуазной интеллигенции выкинуть вон, заменить их интеллигенцией, которая вчера еще была сознательно враждебна нам и которая сегодня только нейтральна, такова одна из важнейших задач теперешнего момента" (т.28, стр. 172).

Постепенно тон Ленина в отношении представителей интеллигенции меняется. Уходят в прошлое примирительные нотки в отношении каждого спеца. Они прорываются, лишь когда надо продемонстрировать незыблемость партийных установок. Так, например, в программном документе "О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики", написанном Лениным в конце декабря 1921 - начале 1922 г. и принятом в виде постановления ЦК РКП(б) от 12 января 1922 г., говорилось:

"Если все наши руководящие учреждения, т.е. и компартия, и соввласть, и профсоюзы не достигнут того, чтобы мы, как зеницу ока, берегли всякого спеца, работающего добросовестно, с знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершенно чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле

социалистического строительства не может быть и речи" (т.33 стр. 168-169).

Но такие высказывания слышатся все реже и реже. Зато все чаще прорываются зловещие "предупреждения" в адрес "интеллигентской публики" (т.30, стр. 52), все чаще он характеризует "представителей буржуазной интеллигенции" как "беспощадных врагов" советской власти (см. напр. т.30, стр. 155,202,206,236), предупреждает о возможном утяжелении их жизни в моральном и физическом плане, если только интеллигенция не станет послушной (там же, стр. 160, 201). Именно в это время он частенько в качестве ругательного употребляет слово "интеллигентщина".

Возвращаясь к знаменательной речи Ленина "Задачи союзов молодежи", я хочу привести еще одно его высказывание, рисующее его отношение к старой дореволюционной интеллигенции:

"Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабешь другого, либо другой грабит тебя; либо ты работаешь на другого, либо он на тебя; либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие - либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент, - словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет" (т. 31, стр. 269).

Еще более определенно он высказался двумя годами позднее в статье "О значении воинствующего материализма". Перефразируя высказывания Дицгена-отца о представителях "образованного общества", Ленин утверждал, что

"профессора философии в современном обществе представляют из себя в большинстве случаев на деле не что иное как "дипломированных лакеев поповщины". Наши российские интеллигенты, любящие считать себя

передовыми, как, впрочем, и их собратия во всех остальных странах, очень не любят перенесения вопроса в плоскость той оценки, которая дана словами Дицгена. Но не любят они этого потому, что правда колет им глаза. Достаточно сколько-нибудь вдуматься в государственную, затем общеэкономическую, затем бытовую и всяческую иную зависимость современных образованных людей от господствующей буржуазии, чтобы понять абсолютную правильность резкой характеристики Дицгена. Достаточно вспомнить громадное большинство модных философских направлений, которые так часто возникают в европейских странах, начиная, хотя бы, с тех, которые были связаны с открытием радия, и кончая теми, которые теперь стремятся уцепиться за Эйнштейна, - чтобы представить себе связь между классовыми интересами и классовой позицией буржуазии, поддержкой ею всяческих форм религий и идейным содержанием модных философских направлений" (т. 33, стр. 202-203).

Острая нужда в "красных" специалистах

Осознав, что дело воспитания красной интеллигенции не может быть решено наскоком, Ленин пытается найти иной выход из положения. Он формулирует программу быстрой подготовки широкого контингента красных спецов из людей, не имеющих образования, но зато преданных советской власти.

На первый план выдвигается наиважнейшая задача - срочное создание кадров красных спецов из представителей рабочего класса и беднейшего крестьянства. Ленин разбивал эту задачу на две: с одной стороны, рекрутирование детей пролетариев и крестьян для поступления в вузы, а, с другой стороны, срочное обучение проявивших преданность новой власти лиц с тем, чтобы немедленно начать использовать их на местах для руководства фабриками и заводами, предприятиями и учреждениями:

"Надо поучиться у них, у наших врагов, нашим передовым крестьянам, сознательным рабочим на своих фабриках, в уездном земельном отделе у буржуазного агронома, инженера и пр., чтобы усвоить плоды их культуры" (т. 29, стр. 56).

По-видимому, он искренне верит, что для получения профессиональных знаний много времени не понадобится. Он все настойчивее требует от различных органов, причастных к вопросам просвещения и образования, расширить сеть начальных учебных заведений, где бы можно было хотя бы примитивно подучить людей, близких «по своему умонастроению к большевикам» (т. 28, стр. 379).

Задача воспитания новой, преданной большевистской партии интеллигенции была признана одной из центральных на II Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1919 г. Пытаясь привлечь на свою сторону союзников и призывая их не бояться работы по строительству коммунизма, он утверждал:

"Если вы искренний сторонник коммунизма, беритесь смелее за эту работу, не бойтесь новизны и трудности ее, не смущайтесь старым предрассудком, будто эта работа подсилна только тем, кто превзошел казенное образование. Это неправда. Руководить работой строительства социализма могут и должны во все большем числе рядовые рабочие и крестьяне труженики" (т. 30, стр. 46-47).

Тактический выигрыш от таких призывов был несомненным. Знаменитый лозунг Ленина: «Мы и кухарку научим управлять государством» у одних будил честолюбие, у других рождал надежду, что скоро станет возможным управлять хозяйством без помощи интеллигентов на огромных территориях страны.

Для ускорения подготовки кадров руководителей из лояльных к новой власти людей были организованы краткосрочные школы (некоторым из них были присвоены громкие

названия "университеты" - Свердловский в Москве, Зиновьевский - в Петрограде, Университет народов Востока и т.д.). Ленин горячо радуется возможности

"...собрать здесь несколько сот рабочих и крестьян, дать им возможность заняться систематически несколько месяцев, пройти курс советских знаний, чтобы двинуться отсюда вместе, организованно, сплоченно, сознательно для управления, для исправления тех громадных недостатков, которые еще остаются" (т. 30, стр. 57).

Формы обучения, объем и содержание предметов, именуемых странным термином "курс советских знаний", приспособлялись к "текущему моменту". Ленин в связи с этим подчеркивал:

"Это должно идти в формах не обязательно единообразных. Тов. Троцкий был вполне прав, говоря, что это не написано ни в каких книгах, которые мы считали бы для себя руководящими, не вытекает ни из какого социалистического мировоззрения, не определено ничьим опытом, а должно быть определено нашим собственным опытом" (там же, стр. 225).

Чему можно научить вчерашних рабочих и крестьян за несколько месяцев, чтобы они стали полноценными руководителями, да еще способными сразу после этого "сплоченно" взяться за "исправление тех громадных недостатков, которые еще остаются" (называй это курсом "советских знаний" или как угодно иначе) Ленин не говорит. Ему приходится радоваться возможности получить хотя бы эти первые несколько сот малограмотных людей, постигших азы знаний. Однако Ленин придавал задаче формирования таких кадров огромное значение. Его постоянные уверения в том, что по своим деловым качествам эти полуобразованные люди не хуже высококачественных специалистов, рождали самоуспокоенность на верхах и невероятную самоуверенность в низах.

Открытие ворот в управление, преподавательскую и научную деятельность для лиц с недостаточной профессиональной подготовкой и непрерывное поощрение этих людей смелее браться за любое дело, и было началом "выдвижения" в науку (и даже руководство ею) полуобразованных людей, судивших о задачах науки с высоты своего полужнания и тем наносивших ей огромный вред.

Наряду с задачей быстрого обучения преданных людей из рабочих и крестьян Ленин ставит задачу изменения общеобразовательной школы. Главный упор опять-таки делается не на то, чтобы улучшить преподавание основ научных знаний (как в области естественных наук, так и гуманитарных), а на то, чтобы за счет сокращения времени преподавания этих знаний усилить преподавание идеологии и прикладных сведений. Ленин требует ускорить процесс замены гимназий и реальных училищ школами нового типа - общеобразовательными с политехническим уклоном:

"В период диктатуры пролетариата, т.е. в период подготовки условий, делающих возможным полное осуществление коммунизма, школа должна быть не только проводником принципов коммунизма вообще, но проводником идейного, организационного, воспитывающего влияния пролетариата на полупролетарские и непролетарские слои трудящихся масс в целях воспитания поколения, способного окончательно осуществить коммунизм.

Ближайшими задачами на этом пути являются в настоящее время:

1. Проведение бесплатного и обязательного общего и политехнического (знакомящего в теории и на практике со всеми главными отраслями производства) образования для всех детей обоего пола до 16 лет.
2. Осуществление тесной связи обучения с общественно-производительным трудом.
3. Снабжение всех учащихся пищей, одеждой и

учебными пособиями за счет государства⁹.

4. Усиление агитации и пропаганды среди учительства.

5. Подготовка кадров нового учительства, проникнутого идеями коммунизма¹⁰.

6. Привлечение трудящегося населения как активному участию в деле просвещения (развитие Советов народного образования, мобилизация грамотных и т.д.).

7. Всесторонняя помощь Советской власти самообразованию и саморазвитию рабочих и трудовых крестьян (устройство библиотек, школ для взрослых, народных университетов, курсов лекций, кинематографов, студий и т.п.).

8. Развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей" (т. 29, стр. 91-92).

Таких указаний, программных заявлений, призывов можно найти достаточно много и в последующих выступлениях и документах, написанных Лениным в 1920-1922 гг. Он понимал, что задача создания собственных красных специалистов гораздо труднее, чем все, что удалось сделать молодому коммунистическому правительству до сих пор, но он был еще непоколебимо убежден в том, что эта задача будет решена в отведенные для этого сроки:

"Мы абсолютно уверены в том, что если мы в два года решили труднейшую военную задачу, то мы решим в 5-10 лет задачу еще более трудную: культурно-образовательную и просветительную" (т. 30, стр. 353-354).

Временами он без пафоса говорит о своей вере в победу культурной революции:

"Сотрудничество представителей науки и рабочих - только такое сотрудничество будет в состоянии уничтожить весь гнет нищеты, болезней, грязи. И это будет сделано. Перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила" (там же, стр. 376).

Лишь перед смертью, когда из-за болезни он оторвался от каждодневной суеты, у него было время трезво обдумать некоторые результаты собственной политики, и он стал понимать, как медленно идет дело вперед, как минимально число тех, кого можно с пользой привлечь к руководству на всех уровнях, особенно на высших уровнях управления. Ему стало отчетливо ясно, и он публично это признал, - что первоначальные расчеты на быстрое и качественное обучение рабочих и трудящихся крестьян не оправдались в той мере, в какой вначале казалось возможным. И тогда у него вырвались горькие признания в несостоятельности этих планов и расчетов. Вот, что говорил Ленин в одном из последних в его жизни выступлений на IV сессии ВЦИК IX созыва:

Тоды и годы должны пройти, годы и годы мы должны учиться, потому что уровень культуры наших рабочих низок, рабочим трудно взяться за совершенно новое дело производства - а только на рабочих мы и можем положиться в смысле искренности и энтузиазма" (т. 33, стр. 358).

Это было сказано Лениным 31 октября 1922 г., за полтора месяца до болезни, от которой он уже не смог оправиться.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Странная несогласованность этого утверждения с тем, что на самом деле произошло, вытекает из документа, выставленного в музее Ленина в Казанском университете в наши дни. На одном из стендов музея помещено факсимиле письма Владимира Ульянова:

*Его превосходительству Господину Ректору
Императорского Казанского университета
от студента 1-го семестра юридического факультета
Владимира Ульянова*

Прошение

Не признавая возможность продолжить мое образование в Университете при настоящих условиях университетской жизни, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство сделать надлежащее распоряжение об изъятии меня из числа студентов Императорского Казанского университета.

*Студент 1-го семестра Юридического факультета
Владимир Ульянов*

Казань, 5 декабря 1887 г."

Два не менее интересных материала привлекли наше внимание на этом стенде. Первое - обязательство, подписанное В. Ульяновым:

*"Я, нижеподписавшийся, обязуюсь не состоять и не принимать участия в каких-либо сообществах, как, например, в землячествах...
2 сентября 1887 г."*

Второе - свидетельства сокурсников Ленина о том, как он "следовал" этому своему обязательству:

"...в Симбирском землячестве внимание его членов отвлечено было от текущих дел появлением среди них

нового студента Владимира Ульянова.

В. Швер"

и

"Мне частенько приходилось слышать среди студентов имя Владимира Ильича как рьяного работника в студенческих революционных кружках.

В. Друри"

Таким образом, уже в студенческие годы запросто отказывался от взятых на себя обязательств.

² Здесь и далее все сноски на высказывания Ленина даны по 4 изданию полного собрания сочинений.

³ Замена термина "революция коммунистическая" на термин "социалистическая революция" произошла позже, когда большевикам стало ясно, что сам по себе переворот и взятие власти вовсе не означают переход к коммунизму. Первое же время, под влиянием высказываний Маркса, считалось само собой разумеющимся, что сразу же после революции или, в крайнем случае, после весьма непродолжительного переходного периода, наступит коммунизм.

⁴ Он говорил, заканчивая свою речь на III съезде коммунистического союза молодежи: *"Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что оно увидит коммунистическое общество. До тех пор это поколение перемрет. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество. И оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества... И вот, поколение, которому теперь 15 лет и которое через 10-20 лет будет жить в коммунистическом обществе, должно все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день, в любой деревне, в любом городе молодежь решала практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую"* (т.31, стр. 274).

⁵ К.Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения в двух томах,

1948, стр. 479.

⁶ М. Горький. "Несвоевременные мысли". Газета "Новая жизнь" 22 марта (4 апреля) 1918 г., №59 (274).

⁷ Впервые опубликованы в газете "Голос России" 16 апреля 1922 г., цит. по С.П.Мельгунов. "Красный террор в России". Изд. Brandy, Нью-Йорк, 1979, стр. 89.

⁸ Письмо М. Дукельского цитировано по статье В.И.Ленина "Ответ на открытое письмо специалиста", т. 29, стр. 204-205.

⁹ Это указание Ленина по сей день так и осталось, в основном, на бумаге.

¹⁰ Этот и предшествовавший ему пункты, по-видимому, вызвали особое беспокойство у Ленина. Он был хорошо информирован о том, что подавляющее большинство учителей в России не приняло октябрьскую революцию. Поэтому он был вынужден внести в "Программу РКП(б)" специальный пункт "о необходимости дальнейшего развития самостоятельности рабочих и трудящихся крестьян в области просвещения, при всесторонней помощи Советской власти" и поставить такую задачу для партии как "окончательное овладение не только частью или большинством учительского персонала, как теперь, а всем персоналом в смысле отсеечения неисправимо буржуазных контрреволюционных элементов и обеспечения добросовестного проведения коммунистических принципов (политики)" (т. 29, стр. 112).